

Русская баня на французскихъ позиціяхъ.

Одинъ изъ «вѣчныхъ» проклятыхъ военныхъ вопросовъ—«вшивый вопросъ». По научному, это небольшое и не совсѣмъ граціозное созданіе куда страшнѣе 42-хсантиметровыхъ орудій. Ползя довольно медленно, оно съ необычайной скоростью разноситъ сыпной и возвратный тифы и прочія прелести. И ежели военные изобрѣтатели изъ силъ выбиваются, создавая стойкіе бетоны противъ пушечныхъ снарядовъ, вопросъ о предохраненіи воиновъ отъ этого безобиднаго на видъ «рысака» занимаетъ въ свою очередь, навѣрное, не менѣе умы свѣтилъ гігіены.

Съ нашей, простой, точки зрѣнія, съ точки зрѣнія, если можно такъ выразиться, «ипподромовъ», по которымъ правятъ свой медленный бѣгъ эти, какъ говорили солдатики въ прошлую войну, «калуцкіе рысаки»,—вся суть вовсе не въ послѣдствіяхъ, разсматриваемыхъ наукой, а въ нестерпимомъ зудѣ. Прямо хотъ въ кипятокъ бросайся. Какая тутъ наука! И пытливый умъ ищетъ «своихъ средствѣвъ» противъ траншейнаго бѣдствія. И иногда находитъ.

Помню, какъ въ одинъ изъ ясныхъ зимнихъ маньчжурскихъ дней на окопы повыползли запасные боро-

дачи нашей роты и торопливо стали скидывать съ себя всю амуницію вплоть до рубахи. Я только что пріѣхалъ на фронтъ и смотрѣлъ съ удивленіемъ на происходившее.

— Эхъ, дюже хорошо,—сказалъ, съ наслажденіемъ почесываясь, Рѣзниковъ, онъ же «самарская горчица», и принялся проворно что-то искать въ своей рубашкѣ.

— Что ты дѣлаешь?—наивно полюбопытствовалъ я.

— Вша заѣла, вашбродь, просто силъ нѣту, злющая, прямо какъ собака, можно сказать.

Спустя два дня я съ неподдѣльнымъ ужасомъ обнаружилъ у себя проклятое животное. Навѣрное, мой видъ былъ очень комиченъ, такъ какъ офицеры, находившіеся въ землянкѣ, дружно захохотали, а штабсъ-капитанъ Ананьинъ съ соболѣзнованіемъ сказалъ:

— Что, чижики, блондинку поймалъ? Это она, вѣроломная, со старика Барклая къ молоденькому перелѣзла. Ну, да, братъ, не унывай, она быстро дѣтокъ наплодитъ.

И какъ я ни боролся съ несноснымъ «внутреннимъ врагомъ», все было тщетно. Избавленіе пришло поздно и совершенно неожиданно.

Это произошло, когда я получилъ конно-охотничью команду и отправился съ ней верстъ на тринадцать въ сторону отъ полка занимать въ видѣ передового пункта небольшую китайскую деревушку. Однажды утромъ въ мою фанзу съ хитрой фізіономіей входитъ Подмаревъ. Подмаревъ, мой денщикъ,—татаринъ изъ-подъ Бузулука, запасной. Онъ хитро улыбается и, подмигивая, спрашиваетъ:

— Хошь, вашеблагородь, вошь покапутьить?

Я не сразу понимаю. Подмаревъ объясняетъ, въ чемъ дѣло. Онъ—печникъ и предлагаетъ выстроить въ одной изъ китайскихъ фанзъ курную печь.

— Вся вошь подохнетъ. Ей-Богъ. Надъ печью ве-

ревки натянемъ, амуницію, бѣлье развѣсимъ, да какъ пару зададимъ,—капуть ей будетъ.

— Отчего жъ ты до сихъ поръ молчалъ?

— Боялся, полковой не дозволить, заругаетъ.

Ровно черезъ два часа фанза была приведена въ надлежащій видъ, печь сложена на славу, а къ вечеру въ жарко натопленной «банѣ» мылась вся команда. Выпаренныя вещи дѣйствительно стали свободны отъ «внутренняго врага». Воцарилось полное счастье. Охотники и я парились каждые три—четыре дня, разумѣется, ежели позволяли обстоятельства, и «блондинка» не успѣвала «плодить дѣтокъ». Когда мы вернулись къ полку, я первымъ дѣломъ приказалъ Подмареву соорудить новую баню и пригласилъ командира полка и офицеровъ.

Какъ сейчасъ вижу огромную фигуру покойника Святицкаго, съ наслажденіемъ влѣзшаго на верхнюю полку сложенного изъ ящиковъ полка и басомъ приказывающаго:

— Еще, еще поддай, да погуще! Ну, еще плесни, ахъ, хорошо!

Откуда-то появился даже родъ вѣника. Такъ всю кампанію съ тѣхъ поръ моя команда строила повсюду бани, и мы съ удивленіемъ замѣтили, что не только зудъ прекратился, но и всякія накожныя гадости исчезли, и люди выглядѣли куда лучше.

Вотъ это свое «средствіе», открытое Подмаревымъ, я вспомнилъ подѣ... Краонелью, въ рядахъ французской арміи. Когда послѣ довольно долгаго безмятежнаго житія мучительно стали почесываться всѣ части тѣла и товарищи-волонтеры, съ которыми я дѣлился старыми воспоминаніями, съ возрастающей настойчивостью начали задавать мнѣ волнующій вопросъ: «А не построить ли намъ баню», я, улучивъ моментъ, когда капитанъ Тортель съ ожесточеніемъ запустилъ руку за спину, подробно объяснилъ ему секретъ благоденствія. Надо

отдать справедливость, мысль устроить паровую русскую баню на самой передовой линіи, подъ носомъ у нѣмцевъ, привела Тортеля и моего коллегу, лейтенанта Лессера, прямо-таки въ неистовый восторгъ. Особенно имъ улыбалась мысль утереть носъ одной изъ частей, устроившей у себя душъ. И, дѣйствительно, эка не-видала душъ? То—душъ, а то—русская паровая баня. Впрочемъ, они оба, казалось, не совсѣмъ ясно представляли, что это такое будетъ. Я добросовѣстно нарисовалъ всю картину.

— Ah, c'est très intéressant, très intéressant,—повторялъ мой капитанъ,—ces sacrés russes, ils savent tout!

Печниками вызвались быть трое: анархистъ Ростовцевъ, марксистъ Юршъ и народникъ Волжинъ. Такое трогательное единеніе партій общало многое, но дѣйствительность превзошла ожиданія. Французы, съ интересомъ слѣдившіе за ходомъ работъ, не могли ничего понять и болѣе наивные попросту рѣшили: mais ils sont fous! Мои печники начали съ выбора мѣста. Выборъ мѣста—вопросъ очень важный, и въ немъ пришлось принять участіе и мнѣ. Это было цѣлое тактическое заданіе,—найти пунктъ съ подходами, наименѣе доступными наблюденію, наиболѣе безопасный въ смыслѣ бомбардировки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расположенный поблизости отъ воды, топлива и мѣста сбора на случай тревоги. Въ концѣ-концовъ, выборъ былъ сдѣланъ, хотя нѣсколько пулъ, просвистѣвшихъ надъ головой Ростовцева, доказывали, что съ впереди лежащаго гребня кое-что доступно не только наблюденію, но и обстрѣлу.

Въ нижней половинѣ каменной риги или, по-здѣшнему, «гранжъ», предназначенной для невѣдомыхъ намъ цѣлей, такъ какъ въ ней стояла колоссальная кадушка, былъ собранъ весь строительный матеріалъ: большіе куски гранита, желѣзные полосы, куски чугуна, снаря-

довъ и пустыя бутылки. Сначала вывели гранитный островъ, при чемъ работа упростилась благодаря стройкѣ печи въ углу, такъ, что обѣ стѣны являлись въ то же время стѣнками печи, и нашимъ печникамъ оставалось возвести двѣ остальные стѣнки. Въ одной изъ нихъ оставлено было отверстіе для дровъ. Когда стѣнки достигли аршина съ небольшимъ, на нихъ, упирая въ выдолбленные въ стѣнахъ гранжи отверстія, положили желѣзныя полосы. На полосы навалили булыжники, куски гранита, пустые шрапнельные стаканы, всякій чугунный ломъ, набили туда же съ сотнью пустыхъ бутылокъ, ибо, какъ объяснилъ Ростовцевъ, «битое стекло паръ держитъ». Затѣмъ въ земляномъ полу прорыли канавки, радіусами сходящіяся къ вырытой посрединѣ гранжи ямѣ, покрыли весь полъ досками и валяющимися въ изобиліи среди развалинъ домовъ жалюзиями, продѣлали дверь въ сосѣднее помѣщеніе, устлали его соломой, покрыли откуда-то добытымъ полотномъ и въ довершеніе роскоши притащили изъ разбитаго напротивъ дома ванну.

— Ну, и баня! Вотъ это баня, лучше, чѣмъ у насъ на селѣ,—залюбовался плодами своей работы Волжинъ.

Я оставилъ мастеровъ на ночь въ преобразованной ригѣ. Имъ во что бы то ни стало хотѣлось по-настоящему, какъ въ Россіи, «истопить съ вечера». Къ утру все было готово. Печь накалена до красна, гранжа провѣтрена, уголь выгребенъ, громадныя чаны полны горячей и холодной водой, ванна налита.

Когда мы съ Тортелемъ и Лессеромъ пришли, какъ подобаеть начальству, первыми, Юршъ поддалъ пару. Тортель съ Лессеромъ, вошедшіе въ одеждѣ, выскочили, какъ угорѣлые.

— Zut,—съ хохотомъ заявилъ Лессеръ,—c'est bien, par exemple. Quant à moi, je ne marche pas. Это какая-то дьявольская баня.

Онъ позорно ушелъ. И во всей ротѣ только адъютантъ Дофэнъ да сержантъ-мажоръ Пантасье оказались такими же малодушными.

Тортель влѣзъ въ ванну, я на полокъ и сталъ наблюдать капитана. Онъ съ необычайнымъ интересомъ разглядывалъ странное сооруженіе и, наконецъ, признался:

— Вы знаете, я все-таки никакъ не могъ себѣ представить, что такое ваша баня. Это—замѣчательная вещь.

Послѣ начальства дѣло пошло быстро. Солдаты приходили повзводно, и русскіе волонтеры уговаривали легионеровъ и волонтеровъ другихъ національностей не бояться пару. Впрочемъ, всѣ быстро поняли, и, когда я вошелъ въ баню, она была полнымъ-полна голаго люда, изъяснявшаго свои восторги на разныхъ языкахъ, какъ во времена вавилонскаго столпотворенія. Среди парящихся гордо сновали герои дня Ростовцевъ, Волжинъ и Юршъ, предметъ самыхъ искреннихъ овацій. Надъ печью на проволокахъ висѣла амуниція, и огромный, красный, какъ ракъ, швейцарецъ Вожли съ ловкостью какого-нибудь рязанца ежеминутно поддавалъ пару. Вся эта живая масса охала, ахала, крихтѣла и съ ожесточеніемъ мылась.

Въ одномъ изъ угловъ—характерная фигура Степана Николаевича Слетова дружелюбно склонилась къ волонтеру, и «petit père», какъ называли его французы, что-то разъяснялъ солдату. Очевидно, благотворное вліяніе пара. Юршъ на чистомъ русскомъ языкѣ толковывалъ Дюфуру:

— Ты, братъ, понимай то, что вошь пару не выносить.

Странно маячило татуированное тѣло Руане, который самъ про себя со скромной гордостью говорилъ, что, когда его нѣмцы убьютъ, они заспиртуютъ его голову въ банкѣ и повезутъ на показъ по всей Германіи. Его голова, дѣйствительно, замѣчательна. На ней нарисова-

ны очки, пара усовъ, сигара, какія-то невѣдомыя изображенія и надписи. А на тѣлѣ—чего только нѣтъ!

Круглый сержантъ Шевалье похожъ былъ на готовый лопнуть шаръ. Онъ хлопалъ себя по ляжкамъ и, не переставая, повторялъ: «какъ это хорошо, какъ это хорошо». И, выражая общія чувствованія, фламандецъ Дамсэнь прокричалъ: «Vive la Russie!»

У выхода Юршъ побѣдоносно выворотилъ воротникъ рубашки, снятой съ проволоки, и сказалъ на этотъ разъ по-французски: «Regarde toi, Dufour, il n'y a plus».

— Mais c'est vrai!—удивлялся французъ.

Капраль Бодуэнь, тотъ самый, что до легіона служилъ въ интернаціональной полиціи въ Нью-Йоркѣ, выразилъ мнѣ свой восторгъ по поводу такого счастливаго изобрѣтенія и былъ несказанно удивленъ, узнавъ, что изобрѣтенію этому—не одна сотня лѣтъ.

Взводъ за взводомъ въ банѣ перемылась вся рота. И надо было видѣть, съ какой радостью инженеръ, а нынѣ телефонистъ-солдатъ Мѣшковскій, принадлежащій къ другому батальону, но бывшій на посту въ Краонели, понесся въ паровую русскую баню, находящуюся въ 800 шагахъ отъ нѣмецкихъ окоповъ...

Теперь роту перемѣстили въ окопы, гдѣ труднѣе устроить парную, и я получаю въ моемъ новомъ полку письма отъ старыхъ товарищей, въ которыхъ они меланхолично сообщаютъ иной разъ, какъ, почесываясь, вспоминаютъ прошлое счастье.

Заключительное слово все же принадлежало Юршу:

«Вотъ что подумаетъ хозяинъ, какъ вернется домой да найдетъ нашу печь. Не иначе, какъ на нѣмцевъ свалить французъ. Скажетъ: безобразили, черти, въ пьяномъ видѣ».

Въ госпиталѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ писалъ вамъ, мнѣ пришлось изъ-за раны оказаться въ госпиталѣ. Но сердцемъ я живу съ товарищами. Вотъ сейчасъ я держу въ рукахъ маленькій замызганный листокъ. Это—письмо изъ траншей. Писано оно наспѣхъ товарищемъ-солдатомъ въ «траншеяхъ смерти», тѣхъ самыхъ траншеяхъ, что взобрались на высокое плато и гдѣ мы потеряли столько нашихъ. Позади шумитъ лѣсъ, внизу—долина Ульша, а справа—маленькій, разоренный городокъ со звучнымъ именемъ Краонель. Оттуда пришло это письмо.

«Вчера, около 3-хъ часовъ дня, въ траншеяхъ смерти, какъ ихъ зовутъ здѣсь, убито артиллерійскимъ снарядомъ пять человѣкъ и двое ранены. Четверо убитыхъ изъ нашей секции: Крестовскій, Вертеповъ, Чайковъ и Примъ; смертельно раненъ пятый—Гонгоофъ, еще совсемъ мальчикъ. Всѣ убиты мгновенно. Снарядъ влетѣлъ въ траншею, пробивъ крышу, и взорвался надъ самой головой сидѣвшихъ тамъ. Смерть безъ мученій. У всѣхъ головы ранены. Видно по выраженію лицъ, что никто изъ нихъ не страдалъ: спокойствіе, беззаботность и вниманіе, какое бываетъ во время товарищескаго разговора. Очевидно, они не успѣли даже услышать взрыва снаряда.

Всѣхъ ихъ похоронили въ общей могилѣ, въ долину Ульша, позади Краонели. Секція третьей роты отдала воинскія почести. Отъ нашей секціи присутствовалъ одинъ лейтенантъ да нелегально я. Отъ лица всѣхъ друзей и товарищей бросилъ въ могилу горсть земли. Сдѣлалъ все возможное, чтобы послѣ войны отыскать ихъ могилу. На крестѣ жестяная пластинка съ ихъ именами, справа отъ креста на четверть метра глубины—бутылка, въ которой ихъ имена»...

Убиты Вертеповъ, Крестовскій и ихъ товарищи... Погибли художники съ чуткой душой и оба такіе юные. Помню, какъ меня поразило на одной изъ заграничныхъ конференцій смѣлое, красивое, словно вычеканенное лицо Вертепова. Не разъ видѣлъ его въ брюссельскомъ университетѣ, прилежно изучавшаго естественныя науки. Но волненія и скитанія предшествующаго періода надломили юный организмъ, и туберкулезъ заставилъ его промѣнять Бельгію на Францію. А здѣсь, въ Парижѣ, съ нимъ произошло... чудо. Да, чудо, настоящее, неоспоримое чудо. Человѣкъ, никогда не державшій въ рукахъ глины, взялъ и по открыткѣ вылѣпилъ чудесный барельефъ женской головки! Аронсонъ поставилъ прогнозъ: талантъ,—и въ ателье профессора Бурделя Вертеповъ занялъ мѣсто не только одного изъ талантливейшихъ учениковъ, но и любимѣйшаго товарища. Большіе горизонты открывались передъ нимъ.

Въ Парижѣ я его встрѣтилъ у Инвалидовъ. Мы пришли втроемъ записаться въ добровольцы, а Вертеповъ со своими друзьями уже стоялъ тамъ. Намъ послали въ Орлеанъ, ихъ—въ Блуа, а потомъ батальоны соединили въ полкъ на фронтѣ у самой Краонели.

Мы знали, что они въ пулеметной секціи, что ихъ считаютъ лучшими солдатами, а одного такъ даже произвели въ капралы и обѣщали дальнѣйшее повышеніе.

Въ послѣдній разъ мы увидѣлись съ нимъ въ дере-

вушкѣ позади траншей. Ихъ секція была на отдыхѣ, а я уѣзжалъ, раненый, въ госпиталь. И когда я напомнилъ этому высокому, красивому солдату нашу парижскую встрѣчу, онъ сказалъ: «Это было такъ давно, такъ давно»...

И дѣйствительно, прошло всего пять мѣсяцевъ, но какимъ далекимъ, безконечно далекимъ кажется прошлое. Это было давно, такъ давно... Вся жизнь какъ-то неожиданно оборвалась, потекла по-новому, и вотъ въ «траншеяхъ смерти» собрались скульпторъ Вертеповъ, народникъ и изгнанникъ, и выставлявшій свои творенія въ Салонѣ юный Крестовскій, и «совсѣмъ еще мальчикъ» Гонгоофъ, и старые африканскіе легіонеры, и люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ національностей, партій, классовъ, состояній, настроеній... Всѣхъ ихъ сравнивали синяя солдатская шинель да равное право на смерть въ долинѣ Ульша. И всѣмъ имъ кажется, что ихъ иная, прошлая жизнь, какая-то сказочная и чуждая, осталась далеко-далеко позади, что это «было такъ давно»...

И мнѣ кажется, что это и на самомъ дѣлѣ было давно.

Давно пришли въ долину Ульша, въ «траншеи смерти» (вѣдь здѣсь мѣсяцы идутъ за годы); льютъ дожди, воетъ вѣтеръ, засыпаютъ снаряды, а мы все въ этой новой и какъ будто безконечной жизни. Роемъ траншеи, ходимъ въ посты и засады и мокнемъ, и мерзнемъ. Что мѣняется?

Ничто,—и только могилки растутъ, бѣгутъ внизъ по скатамъ, пробиваются въ лѣсахъ да вокругъ замка разрастаются въ кладбище...

И странно, что позади, въ нѣсколькихъ часахъ пути, кипитъ иная жизнь, грохочетъ вѣчный городъ, несутся автомобили, трамваи, сверкаютъ огни и есть женщины, штатскіе и дѣти. Особенно дѣти...

А здѣсь, въ нашемъ маленькомъ Rueil, еще иная

жизнь, но тоже подернутая особой вуалью. Вчера из мэрии городка, гдѣ находится мой госпиталь, вышелъ скромный кортежъ. Впереди несли трехцвѣтныя знамена, шли дѣти муниципальной школы, потомъ два зуава несли вѣнокъ, за ними шелъ муниципальный совѣтъ, старый подполковникъ, нѣсколько офицеровъ, безусые, девятнадцатилѣтніе зуавы,—классъ 1915 г., обучаемый въ мѣстныхъ казармахъ,—а позади—безконечная толпа. Къ намъ присоединились со всѣхъ улицъ и площадей новыя группы, и кортежъ росъ и гигантской змѣей извивался въ кривыхъ улицахъ городка. И такъ странно было смотрѣть на штатскую толпу. Дѣти, женщины, старики или мужчины нездороваго вида,—все здоровое ушло на фронтъ. Мы вышли въ поле.

Дорога поднималась кверху; свѣтило солнце. Я обернулся назадъ,—гдѣ-то далеко виднѣлся хвостъ колонны. Вотъ и памятникъ,—скромный гранитъ въ видѣ гранаты, перевитой каменными снопами цвѣтовъ. Безымянный памятникъ безымяннымъ героямъ послѣдняго вздоха несчастной войны 1870—1871 года. Это памятникъ Бузенваля, гдѣ горсть смѣлыхъ людей въ послѣднемъ отчаянномъ бою пыталась защитить Парижъ. Безумно храбрыхъ...

Далеко внизу раскинулся Парижъ, любимый вѣчный городъ, и, поднявшаяся, грозная Сена казалась узкой ленточкой потемнѣвшаго металла. Четко вонзалась въ небо башня Эйфеля, а съ другой стороны высилось задумчивое кружево башенъ Нотръ-Дамъ, и во всѣ стороны бѣжали предмѣстья. А прямо, напротивъ, красавецъ Монъ-Валерьянъ глядѣлъ своими старинными фортами на разстилавшуюся межъ памятникомъ и имъ долину, гдѣ 44 года тому назадъ умерли дѣти Франціи...

Мэръ поднялся на цоколь. Дѣти муниципальной школы запѣли «Марсельезу». Зуавы,—тоже почти дѣти,—взяли на-караулъ, толпа сняла шапки. Тоненькими голо-

сами пѣлъ хоръ, шелестѣли знамена вокругъ памятника, горестно и торжественно стояли впереди ветераны Бузенваля. Глаза подполковника были влажны, старый знаменосецъ плакалъ, а дѣти все пѣли символъ,—вѣчный символъ свободы. И было что-то невыразимо трогательное и грустное, и волнующее, и бодрящее въ ихъ слабыхъ голосахъ. А потомъ мэръ, торговецъ красками и капитанъ резерва, высокій, старый человѣкъ, взволнованно сталъ говорить о прошлой и настоящей войнѣ, и женщины плакали, когда думали о своихъ дѣтяхъ на фронтѣ. Старый торговецъ красками съ цоколя скромнаго памятника кидалъ сухія и жесткія обвиненія виновникамъ европейской войны и называлъ ихъ преступленія.

А потомъ поднялся другой старикъ, бывший офицеромъ въ бузенвальскомъ бою.

«О, сколько разнородныхъ параллелей межъ сегодняшнимъ днемъ и днемъ 19-го января 1871 года! То былъ послѣдній вздохъ позорной войны, теперь же мы въ разгарѣ боевыхъ дѣйствій, сильные и смѣлые. То былъ конецъ стараго режима, когда народъ, равнодушный къ династической войнѣ, къ авантюрѣ, оставилъ всю заботу постоянной арміи. Теперь—Республика, нація, какъ одинъ человѣкъ встала на защиту родины. Тогда на мгновенья возникали и исчезали герои въ родѣ Базена; теперь нѣтъ отдѣльныхъ героевъ, это сплоченный грозный геройскій анонимъ, и имя ему—Франція. Тогда мы, горсть людей, брошенные впередъ Монъ-Валерьяна, шли въ бой безъ надежды побѣдить, и пушки, пушки фортвъ не стрѣляли, не могли стрѣлять,—теперь мы убѣждены въ побѣдѣ, и наша артиллерія даетъ намъ ее. И я помню, когда мы уходили отсюда, повинувся приказу, Монъ-Валерьянъ былъ задернутъ облаками и крѣпости не было видно. Смотрите, вѣдь сегодня они разорваны»... И толпа смотрѣла, молчаливая и взволно-

ванная, на позолоченную солнцем крѣпость. «Да, мы сильны, мы сильны, потому что Франція бьется теперь за справедливость, потому что она защищается, потому что она—республика!»

«Vive la France! Vive la République!» — гигантским эхомъ отвѣтила толпа, и только кучка старыхъ роялистовъ неодобрительно смотрѣла на оратора. Вѣдь въ прошлые годы здѣсь раздавались рѣчи Дерулѣда... Но и они закричали и захлопали, когда старикъ закончилъ свою рѣчь словами: «Да здравствуетъ наша армія, наша родина, вся нація!»

А потомъ другой старикъ прочелъ свои стихи. Снова запѣли дѣти, заиграла «Марсельезу» музыка и склонились знамена. Зуавы взяли на-караулъ. Мы шли внизъ, когда клонилось къ землѣ солнце. Пришли на кладбище взволнованные и тѣсно окружили могилу убитыхъ 44 года тому назадъ. А рядомъ—свѣжія могилы умершихъ въ госпиталяхъ отъ ранъ и тифа. И когда мэръ громко и торжественно сказалъ, что здѣсь будетъ воздвигнутъ новый памятникъ дѣтямъ Rueil, погибшимъ въ бою, и къ ихъ именамъ присоединятся имена дѣтей Франціи, пришедшихъ умереть въ руэйскихъ госпиталяхъ, толпа, запрудившая кладбище, плакала, потому что у каждого изъ присутствовавшихъ много близкихъ тамъ, впереди, въ траншеяхъ, и сколько ихъ убито, и сколько ихъ еще погибнетъ...

А вечеромъ я сидѣлъ у старика Бертъе и слушалъ его рассказы. Бертъе—лѣтъ семьдесятъ. У него въ домѣ всѣ двери раздвигаются, какъ въ метрополитѣнѣ: это—его изобрѣтеніе, не принесшее, впрочемъ, ему богатства. Онъ и старуха—славные люди, въ домѣ же всѣмъ вертитъ пріемная дочка m-elle Момансо, бухгалтерша нашего госпиталя, обслуживаемого дамами и дѣвками Rueil. Старикъ часто приходитъ въ госпиталь, приноситъ подарки солдатамъ, играетъ съ ними.

Со мной онъ весьма ласковъ и по-военному меня называетъ «мой лейтенантъ». И теперь, прихлебывая вино, рассказываетъ, какъ съ крыши дома онъ глядѣлъ на бузенвальскую битву. А потомъ пришли нѣмцы, заняли его домъ и въ столярную натащили пианино. Балы устраивали въ мастерской. «Дома жгли, это правда, а жестокостей не дѣлали, нѣтъ, не дѣлали, какъ теперь. Въ Парижѣ всѣ голодали, и здѣсь мяса не было. Съѣли лошадей, потомъ кошекъ, собакъ. У сосѣда заболѣла лошадь, и пока онъ бѣгалъ за ветеринаромъ, отъ нея только нога осталась. Да... А когда миръ заключили, изъ Парижа сюда толпы пріѣзжали, чтобы купить хлѣба. У насъ въ Rueil мука была. И плакали, глядя на хлѣбъ. А одинъ купилъ да подъ мышкой повезъ домой. Пока доѣхалъ, у него его по кусочкамъ весь отщипали. Да... Только звѣрствъ не дѣлали. Часы увозили,—это вѣрно. Видно, у нихъ въ Германіи часовъ мало. А чтобы какъ теперь,—нѣтъ, такого не было»...

Старуха то же говоритъ. Они вѣдь тогда были обручены, и женихъ услалъ ее отъ нѣмцевъ въ Манъ, а они въ Манъ пришли. И въ началѣ войны старики рѣшили не разлучаться. Только теперь-то ужъ бояться нечего. Не придутъ второй разъ въ Rueil нѣмцы.

Встрѣчи.

I.

Рана зажила, и военное министерство послало меня въ своеобразную командировку: ознакомиться въ разныхъ депо съ положеніемъ русскихъ волонтеровъ. Какъ и надо было ожидать, миссія эта оказалась полна чрезвычайнаго интереса. Самыя неожиданныя встрѣчи, самыя невѣроятныя біографіи сошедшихся со всего свѣта людей придавали ей особую оригинальность. Впрочемъ, для детальнаго описанія этой командировки и изложенія обобщающихъ выводовъ время еще не настало, и въ данный моментъ ограничусь описаніемъ нѣкоторыхъ особо характерныхъ для меня встрѣчъ.

Встрѣчи... Не правда ли, въ самомъ этомъ словѣ есть что-то волнующее и болѣе широкое, чѣмъ его содержание? Какъ описать, какъ рассказать сложную гамму ощущений и воспоминаній, мгновенно охватывающихъ васъ при «встрѣчѣ»? А встрѣчи войны, когда все прошлое отодвигается—куда-то въ недосигаемую даль, особенно неожиданны и волнующи. И даже «встрѣчи риккошетомъ», такъ какъ есть и такія.

Я сижу въ ротномъ «бюро» и выслушиваю подходящихъ ко мнѣ по одному французскихъ солдатъ. Они по большей части отвѣчаютъ на русскій военный манеръ: «Точно такъ, никакъ нѣтъ, ваше благородіе» (есть,

впрочемъ, хитрецы, чающіе ютъ меня благъ и величающіе меня «высокоблагородіемъ» и даже... превосходительствомъ). Кого только тутъ нѣтъ! Вдругъ мой взглядъ съ удивленіемъ упирается въ круглое, веселое и необыкновенно добродушное лицо. Оно немедленно расплывается въ широченную, заражающую и меня улыбку, и я какъ-то машинально спрашиваю солдата:

— Ваша фамилія Соха?

— Такъ точно,—отвѣчаетъ Соха, ничуть не пораженный тѣмъ, что я «угадалъ» его фамилію, и радостно добавляетъ:—Мы—изъ латышей.

Ну, конечно! Однако то было 14 лѣтъ тому назадъ, а парню хорошо, если 21—22 года.

— Можеть-быть, у васъ братъ служилъ на Кавказѣ?

— Никакъ нѣтъ. У меня трое дядьевъ были тамъ у стрѣлкахъ, только давно это было, вашскородіе.

Начинаемъ устанавливать связь и выясняемъ, что именно какъ разъ, когда я начиналъ свою военную карьеру въ одномъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ Кавказа, его дядя Иванъ,—«знаменитость» роты, Иванъ Соха,—былъ самымъ оригинальнымъ изъ всѣхъ «сфрыхъ». Это—тотъ самый новобранецъ, котораго стрѣлки опредѣляли такъ: «Ну и Соха, однимъ словомъ—латышъ, дошлый латышъ».

— Вашскродь,—понижая голосъ, говоритъ мнѣ племянникъ бывшаго соратника, на котораго онъ похожъ, какъ двѣ капли воды,—похлопочите, чтобы меня скорѣе отправили на фронтъ. Не нравится мнѣ здѣсь, всякіе народы вокругъ. Первое—испаны, они съ насъ смѣются, а потомъ эти самые нѣмцы...

— Какіе нѣмцы,—перебиваю я Соху.—Это—эльзасцы.

— Пушай они другимъ рассказываютъ,—непоколебимо стоитъ на своемъ Соха,—а только желательно, вашскородіе, скорѣе на фронтъ съ хранцузами вмѣстѣ, а не съ разными народами.

На той же точкѣ зрѣнія стоятъ почти всѣ русскіе волонтеры изъ простыхъ. Ихъ общее стремленіе—освободиться отъ сосѣдства «разныхъ народовъ», изъ которыхъ сколочены иностранные полки, и попасть во французскую гушу. Насколько сильно отталкиваніе, скажемъ, отъ «испановъ», настолько же велико притяженіе къ «хранцузамъ». И всѣ упорно считаютъ эльзасцевъ «нѣмцами».

Другая встрѣча. Мы оба не можемъ вспомнить, гдѣ мы видѣли другъ друга,—то ли въ Бельгіи, гдѣ стоящій передо мною ловкій солдатъ кончилъ курсъ политехникума, то ли въ Петербургѣ, гдѣ онъ учился въ Горномъ, то ли въ Маньчжуріи, гдѣ онъ служилъ въ драгунскомъ полку офицеромъ. Одно несомнѣнно,—гдѣ-то мы встрѣчались. Онъ успѣлъ уже участвовать въ рядахъ бельгійской арміи въ одиннадцати бояхъ, получить двѣ раны, дослужиться до чина сержанта и съ удивленіемъ узнаетъ отъ меня, что имѣетъ право на офицерскій чинъ. Онъ—полякъ и просится въ «польскую» роту одного изъ батальоновъ иностраннаго полка.

А рядомъ съ нимъ, вернувшійся по болѣзни изъ этой самой роты маленькій, щуплый солдатъ начинаетъ восторженно рассказывать о ней.

— У насъ,—говоритъ онъ,—всѣ солдаты—поляки, только начальство французское. И флагъ свой имѣемъ. Бѣлый орелъ... Какъ стояли мы въ передовой линіи, полковой командиръ въ приказѣ отдалъ, что напротивъ насъ, въ траншеяхъ, много нѣмецкихъ поляковъ. Началась подъ вечеръ стрѣльба,—мы давай кричать: «Не стрѣляйте, братья, мы—поляки», и запѣли польскій гимнъ. А они въ отвѣтъ: «Покажите знамя, если вы точно поляки». Тутъ знаменосецъ Шуйскій, тоже инженеръ, какъ они, и изъ «красныхъ», поднялся на окопъ. Увидали нѣмецкіе поляки польскій флагъ, перестали стрѣлять, польскія пѣсни запѣли. А нѣмцы ихъ ночью

увели, потихоньку, мы ничего не замѣтили. Утромъ снова стрѣльба. Наши подумали, что нѣмцы обманомъ поляковъ стрѣлять заставили. Вскочилъ Шуйскій на окопъ, машетъ знаменемъ, а пуля ему самое сердце пробила. Только я самъ этого ничего не видѣлъ,—добавляетъ онъ,—я въ караулъ тогда былъ; однако все это вѣрно, даже въ газетахъ было описано. А потомъ къ намъ стали прибѣгать отъ нѣмцевъ поляки. Какъ-то разъ унтеръ-офицеръ прибѣгъ со своимъ отдѣленіемъ, прямо плакалъ отъ радости...

Подходить высокій, статный, съ чѣмъ-то трагичнымъ въ фигурѣ солдатъ. Онъ—тоже полякъ. Писатель, горячій патріотъ старой Польши. Былъ въ ссылкѣ. Ушелъ за границу. А когда началась война и появилось знаменитое воззваніе о Польшѣ, все въ немъ загорѣлось. Рѣшилъ сейчасъ же, сію же минуту, итти въ армію. Вначалѣ добровольцевъ не принимали, пришлось записаться на пять лѣтъ въ иностранный легіонъ, лишь бы не ждать. Отправили въ Африку, обучили и по просьбѣ, вмѣстѣ съ другими русскими легіонерами, отправили сюда. Просится скорѣе на фронтъ.

И снова длинной вереницей, одинъ за другимъ, проходили передо мной россияне всѣхъ національностей, положеній, состояній и партій, занесенные волей случая въ депо французскаго иностраннаго полка. Инженеры, художники, еврейскій драматургъ, студенты, директора конторъ, служащіе въ банкахъ, строитель тоннеля сквозь Пиренеи, изобрѣтатель по прожекторамъ, нотный издатель, эмигранты, рабочіе, раньше работавшіе въ «нѣмцахъ» и спасшіеся во Францію, матросы коммерческихъ судовъ, запасные, съѣхавшіеся изъ Англіи, Бельгіи, Швейцаріи и иныхъ нейтральныхъ странъ, изъ Африки и даже далекой Америки нарочито для поступленія въ армію, простые запасные русскіе солдаты, ни слова не понимающіе по-французски, латыши, по-

ляки, малороссы, великороссы, литовецъ, финлянецъ, нѣсколько татаръ, грузинъ, армянъ, одинъ чувашъ, десятокъ казаковъ и евреи, евреи безъ конца. Впрочемъ, послѣдній случай—случай совсѣмъ особенный и очень сложный.

Словомъ, разноцвѣтная, разноплеменная Россія со всѣми своими особенностями, а зачастую, скажу откровенно, и со всѣми своими недостатками.

II.

Въ другомъ депо особенно интересной оказалась встрѣча съ юношей, котораго я зналъ раньше. Это—сынъ старыхъ, очень извѣстныхъ народовольцевъ, прожившій въ Брюсселѣ «подъ нѣмцами» цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Его братъ уже давно на фронтѣ, а онъ только сейчасъ бѣжалъ изъ Бельгіи и поступилъ въ армію.

— Я,—говорить онъ,—человѣкъ очень спокойнаго характера, почти никогда не возбуждаюсь, но теперь просто понять не могу, какъ я прожилъ столько времени съ нѣмцами. Не такъ меня возмутила вся эта война, сколько жестокости, совершенныя ими въ Бельгіи. И даже не самый фактъ жестокостей,—онѣ вѣдь всюду бывають,—а тотъ духъ, та система, по которой онѣ продѣлывались. У нихъ вѣдь все это совершалось на теоретическомъ, «научномъ» основаніи. Такъ сказать, не въ ярости безумства, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, а въ холодномъ расчетѣ: запугать населеніе. И на первыхъ порахъ они своего добились, запугали всѣхъ, особенно женщинъ. Судите сами: гдѣ тутъ непосредственный гнѣвъ, единственное извиненіе жестокости, если изъ *заранье* изобрѣтенныхъ нарочито машинъ поливають керосиномъ цѣлый кварталъ и затѣмъ сжигаютъ его до тла. Если подъ предлогомъ обороны отъ франкъ-тиреровъ не просто убивають въ

ялости на мѣстѣ заподозрѣнныхъ, а, отдѣливъ часть населенія, безъ различія пола и возраста, разстрѣливаютъ ее на другой день изъ... пулеметовъ. Да и всѣ ихъ афиши, приказы и газеты ничуть не скрывали «научнаго» характера устрашенія.

— Ну, а у васъ, въ Брюсселѣ, какъ они вели себя?

— У насъ они уже не безчинствовали, но тяжесть ихъ господства, регламентирующаго каждый шагъ, ощущается всѣми. Тысячи правилъ, запрещеній, тяжелыхъ контрибуцій и вначалѣ полное отсутствіе свѣдѣній, кромѣ сообщаемыхъ комендантскими афишами. Ну, а въ нихъ населенію преподносились совершенно невѣроятныя извѣстія о взятіи Парижа, Калѣ, Варшавы и даже Кронштадта. Никто, разумѣется, не вѣрилъ, и въ противовѣсъ по городу циркулировали слухи о вступленіи русскихъ въ Берлинъ, англичанъ—въ Гентъ, французовъ—въ Мецъ и Страсбургъ.

Потомъ довольно регулярно стали выходить нелегальный гектографированный листокъ съ болѣе правдоподобнымъ освѣщеніемъ положенія вещей. Для чтенія этого листка образовались тайные кружки. Наконецъ, появились настоящія газеты: англійскія, французскія, голландскія, появилась своеобразная контрабанда газетная. И теперь, на третій день, въ Брюсселѣ можно найти любую парижскую газету. Конечно, опять-таки читаются онѣ нелегально, и кара за чтеніе большая. Какъ разъ передъ моимъ бѣгствомъ изъ Бельгіи намъ пришлось наканунѣ измѣнить нашъ планъ, потому что въ мѣстѣ предполагаемаго перехода черезъ границу нѣмцы застрѣлили 20 газетчиковъ-контрабандистовъ.

Я попросилъ юношу разсказать о своемъ бѣгствѣ.

— Это было вовсе не такъ трудно. Намъ бѣжало изъ Брюсселя пять человѣкъ. Я и четыре французскихъ солдата, пять мѣсяцевъ скрывавшихся въ подгородныхъ мѣстечкахъ. По дорогѣ къ намъ присоединились нѣ-

сколько молодых фламандцевъ, спѣшившихъ на призывъ въ Гавръ.

Я не стану въ подробности передавать довольно красочной Одиссеи моего знакомаго, чтобы не помогать нѣмцамъ въ изловленіи бѣгущихъ. Скажу только, что послѣ двухдневныхъ мытарствъ вся компанія добралась до голландской границы. Здѣсь имъ еще разъ пришлось перемѣнить мѣсто перехода, снова «проваленное» и обгаренное кровью нѣсколькихъ молодыхъ бельгійцевъ. Вся граница защищена проволочными загражденіями на мостахъ и сильными патрулями и часовыми вдоль всей рѣки. Впрочемъ, нѣмцы не только проморгали нѣсколько удобныхъ лазеекъ, но и сами же, того не зная, создали одну геніальную по своей простотѣ отговорку для застигнутыхъ у границы. Нынче всѣ бѣглецы—на мѣстахъ: фламандцы—въ бельгійской арміи, французы—въ своихъ полкахъ, а мой рассказчикъ—въ иностранномъ легіонѣ.

III.

Въ одной изъ ротъ русскихъ солдатъ привелъ старый сержантъ. Выстроивъ ихъ, онъ съ шикомъ командовалъ: «Смирно!» и обратился ко мнѣ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ. Оказалось... старый земскій дѣятель, подпоручикъ въ отставкѣ. Сынъ,—я его видѣлъ въ другомъ депо,—на дняхъ ушелъ на фронтъ. Старикъ въ теченіе шести мѣсяцевъ тянулъ лямку сержанта, восхищая своимъ усердіемъ и образцовой службой начальство. Теперь, когда я пишу эти строки, онъ уже произведенъ въ офицеры. Мы, конечно, сейчасъ же отыскиали общихъ знакомыхъ,—еще одна неожиданная встрѣча.

Обѣдать я отправился на офицерскую «мессу». Тамъ было шумно и весело. Мой сосѣдъ, старый «капитуся»,

подливая вина въ мой стаканъ, указаль на атлетически сложенного пулеметнаго поручика.

— Вотъ почти вашъ компатріотъ. Славянинъ, какъ вы, русскіе,—чехъ. Раньше ихъ было два, теперь остался одинъ; другого услали на фронтъ.

Послѣ обѣда въ курильной я познакомился съ чехомъ. Поручикъ кавалеріи австрійской арміи, баронъ Рудольфъ О. свободно изъясняется по-русски. Онъ какъ-то прожилъ въ Россіи четыре мѣсяца, и этого было достаточно, чтобы начать говорить. Меня интересуетъ, какимъ образомъ О. попалъ въ австрійскую армію.

— Конечно, не по призванію,—смѣясь, отвѣчаетъ онъ.—Дѣло было очень просто. По закону, мнѣ, какъ австрійскому подданному, приходилось отбывать мои три года солдатомъ. А быть солдатомъ въ австрійской арміи, да еще чеху, да еще интеллигентному,—покорно васъ благодарю. Кончилъ я военное училище, прослужилъ свои три года и уѣхалъ въ долгій отпускъ въ Парижъ съ цѣлью по окончаніи его уйти въ запасъ. И вдругъ Австрія объявила Россіи войну. А между нею и Франціей дипломатическія сношенія еще не прерваны. И вотъ я получаю приказъ о мобилизаціи отъ нашего военнаго атташе. Я сейчасъ же къ нему. Прихожу въ посольство. Направляюсь къ агенту, а у него офицеровъ призванныхъ—полнымъ-полно. Протягиваю ему молча приказъ.

— Что это?—спрашиваетъ полковникъ.

— Вашъ приказъ о мобилизаціи; онъ мнѣ не нуженъ...

— Какъ такъ, что вы говорите!..

— А такъ, не нуженъ; я въ Австрію не поѣду...

— Какъ не поѣдете, почему?

— Потому, что я—чехъ и не стану биться противъ Россіи.

— Что же вы будете дѣлать?

— Что?! Поступлю въ иностранный легіонъ.

Полковникъ покраснѣлъ, покачнулся, ухватился обѣими руками за голову и даже зубами закрипѣлъ. Офицеры... надо было видѣть ихъ лица.

— И вы не боялись,—перебиваю я барона,—какихъ-либо выходокъ съ ихъ стороны?

— Ну, понятно, нѣтъ. Во-первыхъ, посмотрите-ка, я могу защититься,—и онъ качнулъ своимъ атлетическимъ корпусомъ,—а кромѣ того, всѣ наши чехи знали. Не выйди я черезъ четверть часа, они бы все посольство разнесли.

— Ну, а дальше?—спрашиваю я.

— Дальше? Дальше опомнился полковникъ, сталъ меня уговаривать: «Подумайте: въ легіонѣ вы простымъ солдатомъ будете,—вы, офицеръ драгунскаго полка»... Тутъ я не вытерпѣлъ и какъ слѣдуетъ отбрилъ негодяя. «Для меня,—сказалъ я ему,—пріятнѣе драться противъ Австріи простымъ рядовымъ въ легіонѣ, чѣмъ быть офицеромъ въ ея арміи!». Сказалъ и вышелъ. Только успѣлъ мнѣ вдогонку атташе прокричать, что мои родные пожалѣютъ о моемъ шагѣ. А съ пріятелемъ моимъ на другой день онъ и говорить не сталъ. Научился.

О. помолчалъ.

— Да, а брата моего, офицера, австріяки разстрѣляли. Услали со всѣмъ чешскимъ батальономъ въ одну деревушку и бомбардировали своей же артиллеріей. Двадцать три раны братъ получилъ, такъ оставили умирать безъ помощи, какъ собаку. Ну, да погодите! Тутъ, въ Парижѣ, ни одинъ чехъ не возвратился въ Австрію, а въ легіонъ поступило много. Цѣлую чешскую роту сформировали. Меня съ пріятелемъ приняли офицерами. А у насъ, въ Прагѣ? У насъ, какъ только русскіе покажутся на Моравѣ,—по всей Богеміи—революція. Мы, чехи, ненавидимъ австрійское господство, ненавидимъ Австрію, начиная отъ социалистовъ, кото-

рыхъ она разстрѣливаетъ, и кончая знатю. И если между нами есть разногласія, то это—о формѣ, въ которую отольется независимость Богеміи, а не по поводу необходимости борьбы за эту независимость. Какая бы то ни было, она—лучше теперешняго рабства.

Это была моя послѣдняя, особо характерная встрѣча если не съ русскимъ, то со славянскимъ элементомъ. А сколько иныхъ, полныхъ живого интереса! Аргентинецъ, специально пріѣхавшій изъ Буэноса воевать за независимость Бельгіи, венецуэльскій офицеръ, американскій докторъ, богатый мексиканецъ, образованный сержантъ-негръ и легіонъ иныхъ добровольцевъ со всего міра. Что будетъ завтра,—неизвѣстно, но сегодня, на данный моментъ, форсированный маршъ нѣмецкихъ армій на европейскую демократію и права національностей сумѣлъ ихъ объединить и бросить противъ самовлюбленной, опруссѣвшей Германіи.

Гюставъ Любенъ.

Мать Жанъ лѣниво открывала свое заведеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ началась война, или, вѣрнѣе, съ окончанія мобилизаціи, дѣла идутъ изъ рукъ вонъ плохо. Фабрика закрылась, мужчинъ забрали въ армію, и старики и женщины сидятъ по домамъ. Развѣ забѣгутъ солдатики съ останавливающимися на вокзалѣ воинскихъ поѣздовъ.

Стоить ли торопиться?

— Добрый день, мадамъ Жанъ, какъ дѣла?

— А, это вы, мадамъ Жермень. Спасибо. Все нездоровится, а какъ у васъ?

— Да ничего, что новаго, что пишетъ мосье Жанъ?

— Да то же. Постоянно въ грязи, въ траншеяхъ. Проклятые нѣмцы снова начали свои атаки. Но старикъ не жалуется. Онъ у меня молодецъ.

Толстый хозяинъ кабачка, мосье Жанъ, съ самаго начала войны маршируетъ съ территоріалами. Изъ Эльзаса въ Бельгію, оттуда на Марну, теперь въ Шампань. И, къ великой гордости мадамъ Жанъ, былъ даже упомянутъ въ приказѣ по полку.

— А въ Парижѣ,—продолжаетъ она,—снова арестовали нѣмецкихъ шпіоновъ. Цѣлую дюжину! Говорятъ, хотѣли взорвать всѣ мосты. Кто былъ переодѣтъ монашками, кто городовымъ и даже, представьте себѣ... жандармами. О, эти поганые пруссаки такъ хитры...

— Послушайте, мать Жанъ,—кричитъ хромоногій Пьеръ,—пришли важныя новости...—Онъ останавливается и ждетъ вопроса.

Почтенная дама принимаетъ небрежный видъ. Мальчишка съ почты—ея заклятый врагъ. Но по своему положенію Пьеръ—источникъ всѣхъ сенсацій.

— Ну, что тамъ,—съ плохо скрытымъ любопытствомъ спрашиваетъ она,—снова цеппелины надъ Парижемъ?

— Вотъ и нѣтъ, вотъ и нѣтъ! Война объявлена... Германіи,—торжественно заключаетъ мальчишка и съ хохотомъ ковыляетъ дальше.

— О, это сущее несчастье, такой бездѣльникъ,—вздыхаетъ простодушная хозяйка «Свиданія Королей», по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю попадающаяся на удочку хромого.

Съ рынка возвращаются хозяйки, останавливаются на углу и заводятъ пересуды. Очередная тема—открытие фабрики. До войны она принадлежала нѣмцамъ и выдѣлывала химическіе продукты. По слухамъ, нѣмцы успѣли бѣжать въ Швейцарію, но у старика Гибо, зеленщика жандармеріи, особое мнѣніе.

— Э,—подмигиваетъ онъ,—имъ вкатили за воротникъ хорошую порцію пуль. Тамъ, позади главнаго корпуса, на бетонной платформѣ. И потомъ исторія съ подземнымъ телефономъ. Собаки...

Какъ бы то ни было, фабрику запечатали. И только позавчера пріѣхалъ новый директоръ съ семьей и нѣсколькими рабочими, присланными военными властями изъ Парижа. Говорятъ, на фабрикѣ будутъ готовить взрывчатые вещества для снарядовъ. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что новый директоръ и его семья—русскіе, окружаетъ фабрику особой таинственностью. Что касается мадамъ Жанъ, она надѣется на оживленіе «Свиданія Королей» рабочими.

Въ самый разгаръ бесѣды въ концѣ улицы показываются два бельгійскихъ солдата. Маленькій капраль, а съ нимъ огромный кавалеристъ. Рыжій, широкобродый, косая сажень въ плечахъ. На макушкѣ чудомъ держится вздернутый набекрень форменный колпачокъ съ кисточкой.

— Вотъ это настоящій «роіи» (пуалю),—замѣчаетъ кумушка Леони,—врядъ ли его лошадь очень довольна.

Бельгійцы любопытно разглядываютъ крытая соломою высокія хаты Нормандіи. Они держатъ направление прямо на кабакъ. Мать Жанъ торопливо переваливается внутрь, за стойку. Всѣ дружелюбно здороваются съ бельгійцами, а мадамъ Жермень и Леони устраиваютъ патріотическую манифестацію.

— «Vive la Belgique!» (Да здравствуетъ Бельгія!)—кричатъ онѣ. Солдаты берутъ подъ козырекъ. «Vive la France!» (Да здравствуетъ Франція!).

Вмѣстѣ съ ними заходятъ въ кабакъ всѣ собесѣдники, и, пока хозяйка наливаетъ по стаканчику, завязывается общій разговоръ. Маленькій капраль тараторитъ безъ умолку, рыжебородый только улыбается. Они оба ранены, лежали на югѣ, рассказываетъ капраль, а теперь возвращаются обратно въ свою армію.

— Да, Бельгія насъ спасла, спору нѣтъ. За ваше здоровье, мальчики,—чокается старикъ Гибо.

— Оно и немудрено съ такими молодцами,—поддакиваетъ хозяйка, указывая на рыжаго.

Солдаты выпиваютъ, утираютъ губы рукавами мундировъ. Маленькій капраль оборачивается къ кабатчицѣ:

— Такими? Да это не бельгіецъ, это казакъ!—гордо заявляетъ онъ.

Отъ неожиданности мать Жанъ переливаетъ черезъ край. Всѣ пристально смотрятъ на рыжаго. Но зеленчикъ не сдается.

— Оставь шутки. Чего пускать пыль въ глаза...

— Честное слово казакъ, бѣглый изъ нѣмецкаго плѣна,—увѣряетъ капралъ.—Да скажи имъ, Гюставъ, правда, что ты казакъ, или нѣтъ?

— Вуй, вуй,—тычетъ себя въ грудь пальцами Гюставъ,—казакъ.

Его окружаютъ со всѣхъ сторонъ, жмутъ руки, разспрашиваютъ и черезъ четверть часа полмѣстечка толпится вокругъ «Свиданья Королей».

Къ сожалѣнію, Гюставъ не очень много можетъ рассказать. Онъ объясняется больше жестами, что не мѣшаетъ быстрому сближенію съ публикой.

Новый директоръ фабрики, дѣйствительно, русскій. Собственно говоря,—не совсѣмъ, такъ какъ религіи онъ іудейской и фамилія у него со звучнымъ нѣмецкимъ окончаніемъ «фельдъ», что составляетъ предметъ мученій мѣстнаго прокурора, видящаго повсюду пруссаковъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ господину прокурору республики нечего беспокоиться—директоръ присланъ военной властью. Но все же мосье Лебрень рѣшилъ смотрѣть въ оба.

Семень Михайловичъ,—такъ зовутъ директора,—первый разъ на такомъ важномъ мѣстѣ. Его патрону, профессору Сорбонны, поручили устройство заводовъ для армій и на одинъ изъ нихъ онъ назначилъ Семена Михайловича. Хотя нѣмцы хорошо оборудовали дѣло до войны, все же работы много и Семень Михайловичъ цѣлые дни бѣгаетъ по корпусамъ.

Семья Зоммерфельдовъ, т.-е. онъ, его жена, прехорошенькая, кудрявая медичка Лея и маленькая дѣвочка Рая,—семья дружная. Семень Михайловичъ—талантливый химикъ, Лея съ ожесточеніемъ учится медицинѣ, да вотъ дочка застопорила. Впрочемъ, онѣ обѣ теперь наслаждаются неожиданной дачей. Заводъ стоитъ въ полѣ, за деревней; вокругъ насаженный нѣмцами садъ съ прекраснымъ огородомъ, а по саду бѣжитъ ручей,

приводящій въ движеніе заводскую турбину. Въ ручьѣ водится форель, и Рая можетъ подолгу смотрѣть, какъ горбатый подростокъ съ фабрики ловить хитрую рыбу.

Одиннадцать часовъ. Вся семья въ сборѣ въ ожиданіи обѣда въ столовой. Нѣмцы постарались—и комната уютна, съ прочной, хорошей мебелью, съ темными обоями и картинами на стѣнахъ.

Первая замѣтила подошедшихъ Раичка, высунувшаяся изъ окна.

— Посмотри, мамочка,—сказала она,—какой большой солдатъ идетъ.

Это шелъ Гюставъ въ сопровожденіи хромого Пьера и кучи мальчишекъ, окружавшихъ его плотной стѣной.

— Здѣсь,—указаль на домъ Пьеръ. Ватага остановилась. Гюставъ поправилъ колпачокъ, пригладилъ бороду, откашлялся и постучалъ въ дверь.

Лей и Семень, наблюдавшіе сцену изъ окна, вышли въ переднюю. Горничная уже открыла дверь. Могучая фигура солдата цѣликомъ занимала ее.

— Здравія желаю, господинъ, не могу знать, какъ васъ величаютъ,—козырнулъ онъ Семену и, поклонившись въ сторону Лей, добавилъ:—Нижайшее русское почтеніе, сударыня.

— Какъ, вы русскій, не можетъ быть! Вотъ изумительно... сюда, сюда,—вводилъ Семень гостя въ столовую. Рая, ухватившись за материнскую юбку, съ любопытствомъ и страхомъ разглядывала вваливающагося посѣтителя.

— А, барышня, — обрадовался Гюставъ, — позвольте руку.

Но дѣвчонка только крѣпче ухватилась за мать.

— Боятся, вотъ исторія. Вы, барышня, не бойтесь, я вамъ козу покажу.

— Да она по-русски не понимаетъ,—вмѣшался Семень.—Она у насъ французенка.

— Не понимаетъ. Ахъ ты, Боже мой, русское дите по-русски не обучено.—Гюставъ укоризненно помоталъ головой.

— Садитесь пожалуйста,—предложила Лея.

— Это можно, отчего не сѣсть,—согласился солдатъ и, устроившись въ креслѣ, сказалъ:—Честь имѣю представиться—Евстафій Лабинъ, а по-бельгійскому, значитъ,—Гюставъ Любэнъ, донской казакъ.

— Какъ же вы попали сюда?—изумился Семень.

— А очень просто, господинъ. Въ кабацкѣ люди хорошіе указали. Мы съ госпиталя, послѣ раненія, возвращаемся въ армію. Такъ вотъ на время остановки съ поѣзда отлучились.

— Нѣтъ, какъ вы за границу, въ бельгійскую армію попали?

— А еще того проще, господинъ. Да, вы, барышня, подить поближе,—поманилъ онъ, набравшуюся храбрости и оттаявшую отъ юбки дѣвочку.—Мы, значитъ, въ Калишѣ нѣмцами плѣнены были. Ну, и отправили они меня съ прочими въ плѣнный лагерь. Къ датчанской границѣ. Всякаго народа тамъ было: бельгійцевъ, англичанъ, французовъ, нашихъ русачковъ, даже, повѣрите ли, черныхъ араповъ. Только вижу я—здѣсь оставаться мнѣ не рука, пища скверная, обращеніе того хуже и еще зазорно въ плѣну проклаждаться. Выбралъ ночь потемнѣе и давай Богъ ноги. Всю ночь бѣгъ, а на утро отвели меня въ полицію: оказалось, нахожусь я въ Даніи. Успѣлъ-таки за ночь до границы убѣчь. Дальше дѣло, можно сказать, само пошло. Отправили меня изъ Даніи въ Швецію, до русскаго консула, пароходомъ.

— Почему же въ Швецію?

— Вотъ я тоже понять не могъ. А въ Швецію ѣхать не хотѣлось, всякое про нее говорили, будто она противъ Россіи. Только все это брехня. Матросы на пароходѣ—славные ребята.

— Постоите, какъ же вы поняли? Вѣдь вы по-шведски не говорите?

— А ужъ такъ, понялъ и понялъ. Привезли меня въ портовый городишко, до русскаго консула. А онъ шведъ, завзятый шведъ, ни въ зубъ по-русски. Покрутился я тамъ, покрутился—и подался въ Англію. Ну, въ Англіи консулъ настоящій, истинный русскій. Вамъ, говорить, теперь невозможно въ Россію вернуться. А если охота снова на войну, поступайте во французскую армію, а то въ бельгійскую. Куда вамъ желательно? Подумаль я, подумаль, жалко мнѣ Бельгіи. Махонькая она, всю нѣмцы заберутъ, не отбиться ей самой. Желаю къ бельгійцамъ. Ну, и поступилъ. Записали меня по-ихнему: Гюставъ Любэнъ. Вотъ ужъ пятый мѣсяць съ ними дерусь. Хорошій народъ.

— А съ языкомъ вамъ не трудно?

— Нисколько. Всякія командныя слова, попросить что, купить, дорогу спросить—это я знаю, а не то, такъ показомъ. Вотъ насчетъ пищи плоховато. Очень бельгійцы деликатны, жидка ихъ пища для русскаго челоуѣка. У англичанъ пища настоящая. Бифтеки, мяса сколько душѣ угодно. Въ четыре часа чай. А здѣсь кофій, да кофій, никакой съ него пользы. Еще лошади у нихъ глупыя, далеко имъ до нашихъ. Выстрѣловъ пугаются, карьера настоящаго нѣтъ. Да-сь, барышня, идетъ коза рогатая, идетъ коза бодатая,—тоненькимъ голоскомъ затянулъ Гюставъ, дѣлая козу взобравшейся къ нему на колѣни Раѣ.

— Обѣдъ готовъ,—объявила вошедшая горничная.

— Вотъ и прекрасно. Вы съ нами пообѣдаете, Евстафій...

— Митрофановичъ, — добавилъ казакъ. — Покорно благодаримъ. Только мнѣ, навѣрное, время на поѣздъ. Ахъ, батюшки, да что же я думаю, вѣдь онъ сейчасъ тронется,—поглядѣвъ на часы, заволновался казакъ.

Спустя десять минутъ на платформѣ происходили проводы. Кромѣ семейства директора, собралось много всякаго народа. Семень обмѣнялся съ Гюставомъ адресами и что-то сунулъ ему въ руку, мать Жанъ принесла небольшой свертокъ, старикъ Гибо—яблокъ. Когда поѣздъ, попыхивая, медленно тронулся, со всѣхъ сторонъ понеслись крики:

«Вивъ ля Рюсси!» «Вивъ ля Бельжицъ!»

Гюставъ стоялъ въ дверяхъ и, взявъ подъ козырекъ, изо всѣхъ силъ кричалъ:

«Вивъ ля Франсъ».

Мѣстечко долго находилось подъ впечатлѣніемъ видѣннаго настоящаго казака. Особенно сильное впечатлѣніе онъ произвелъ на Леони, раньше представлявшую себѣ казаковъ чѣмъ-то страшнымъ и не менѣе дикимъ, чѣмъ сенегальцы.

— О, они очень милы и... красивы,—говорила она, мечтательно закатывая глаза.

— Да,—вспоминалъ старикъ Гибо,—если бы намъ прислали корпуса четыре такихъ молодцовъ, эти грязные пруссаки не долго бы задержались въ нашей бѣдной Франціи, не правда ли, мать Жанъ!

— Я думаю,—поддакивала кабатчица,—стоитъ только посмотреть на его плечи. Жаль, мой старикъ не видѣлъ этого парня. Какой гигантъ и какія икры!

Мальчишки даже ввели новую игру въ «бельгійскаго казака».

Лея подробно рассказывала своимъ знакомымъ о неожиданномъ визитерѣ, неизмѣнно прибавляя: «Ну можете себѣ вообразить, совсѣмъ настоящій казакъ, Только онъ былъ очень милый и нисколько не страшный. Даже Раечка сразу полюбила его».

Скоро пришло и письмо отъ него.

Здравствуйте!—писалъ казакъ,—

Многоуважаемый

Г-нъ Зоммерфельдъ.

Шлю вамъ свой Русскій привѣтъ и Русское спасибо изъ Бельгійскаго фронта. Я понастоящее время живъ и здоровъ, пишу Вамъ это письмо въ очень неуютномъ домѣ, т.-е. въ одномъ обгорѣвшемъ и развалившемся домѣ, въ которомъ сегодня привалъ и вотъ на сырой землѣ, такъ какъ полъ содрали раньше на траншеи и т. п. я пишу вамъ эти строки.

Дней пятнадцать тому назадъ я былъ снова раненъ, но на этотъ разъ легко въ руку, и хотя трудновато было работать одной рукой, но я не покинулъ своего поста. Четыре дня тому назадъ я подобрался близко къ ихъ батарее, но, не дойдя 200 шаговъ, это было ночью, нѣмцы пустили «ракету», которая меня освѣтила какъ днемъ, и открыли такой огонь, какъ бы по цѣлой ротѣ, и благодаря канавѣ, я спасся, но пришлось больше версты лѣзть по поясъ въ водѣ, а когда пускали «ракеты», то и опускаться по самую шею. Въ общемъ, очень трудно дѣлать развѣдки. Часто приходится засыпать верхомъ на лошади, такъ какъ погода очень скверная, т.-е. дожди и снѣгъ и тому подобное. Къ пищѣ этой до сихъ поръ не могу привыкнутьъ, а по тому не хватаетъ, изъ провіанта купить кое-что можно, но страшно дорого, такъ что приходится переносить многое. Но все-таки я твердо рѣшилъ остаться до конца войны въ защиту обокраденной Варварами Бельгіи.

Пока прощайте!

Пишите хотя двѣ строчки, какъ Вы живете.

Остаюся Вашъ Русскій

Фронтъ 2/III 1915.

Евстафій Лабинъ.

Получивъ это письмо, Семень Михайловичъ и Лея при дѣятельной помощи Раечки закупили большую посылку и отправили ее казаку.

Атака возвышенности „140“.

Въ недавнихъ бояхъ подъ Аррасомъ, кончившихся блестящей побѣдой французскихъ войскъ, видное мѣсто принадлежитъ иностранному полку. Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ лицомъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ полку, кратки, но полны грознаго и величественнаго интереса для насъ, иностранцевъ-волонтеровъ французской арміи.

Прежде всего нѣсколько словъ о самомъ полку. Его массу составляли, какъ и въ прочихъ иностранныхъ полкахъ, добровольцы не французскаго происхожденія, поступившіе въ армію во время войны. Въ противность порядкамъ другого иностраннаго полка, въ его кадрахъ не было присланныхъ изъ Африки настоящихъ легіонеровъ, чтó, конечно, только способствовало бóльшей выдержанности добровольческаго характера полка и его большому энтузіазму.

Первые батальоны иностранныхъ полковъ были отправлены на фронтъ въ концѣ октября, т.-е. послѣ двухмѣсячнаго обученія, такъ какъ пріемъ волонтеровъ начался 21-го августа. Въ полку широко былъ развитъ принципъ дѣленія по національности,—принципъ, давшій самые прекрасные результаты, какъ во время обученія, такъ и въ бою. Между прочимъ въ немъ были польская, чешская и греческая роты, а также и русскія секціи.

Греческая рота составилаь какъ изъ волонтеровъ, бывшихъ во время объявленія войны во Франціи, такъ и нарочито прїѣхавшихъ для поступленія изъ другихъ государствъ. Чешскую роту сформировали изъ чеховъ, отказавшихся вернуться въ Австрію и заявившихъ желаніе биться съ угнетающимъ ихъ родину государствомъ. Польская рота представляла собой смѣшеніе всѣхъ партій и классовъ. Главный ея контингентъ, конечно,—политическая эмиграція. Тутъ были и представители Р. Р. С., и польской соціалъ-демократической партіи, и патріоты стараго закала, и люди, увлеченные знаменитымъ манифестомъ, возвѣщавшимъ новую эру русско-польскихъ отношеній. Судьбы Бельгіи и Сербіи, такія понятныя и близкія польскому сердцу, защита рыцарской по отношенію къ нимъ Франціи и надежда освобожденія, объединенія ихъ прекрасной, разорванной на части, несчастной родины собрали вмѣстѣ этихъ во всемъ остальномъ разномыслящихъ людей и скрѣпили ихъ цементомъ энтузіазма и самопожертвованія.

Польская и чешская роты еще во время своего обученія въ Байонѣ считались лучшими, и офицеры мнѣ говорили, что въ штыковомъ ударѣ отъ нихъ надо ждать чудесъ.

Это—та самая польская рота, о которой съ глубокой нѣжностью и восторгомъ рассказывалъ недавно маленький; худенькій солдатъ,—рота, надъ которой рѣялъ ея національный флагъ и лилась старая свободная польская пѣсня,—небольшая горсть людей, островокъ, затерявшійся въ безбрежномъ, разноплеменномъ человеческомъ морѣ французскаго фронта. Эта горсть смѣлыхъ, самоотверженныхъ бойцовъ, какъ она ни была мала, являла собой яркое воплощеніе неумирающей идеи и мужественнаго народа. Она представляла прошлую, настоящую и будущую Польшу...

Русскія секціи состояли, какъ и въ остальныхъ полкахъ, изъ членовъ всѣхъ лѣвыхъ партій, запасныхъ военно-служащихъ и евреевъ, эмигрировавшихъ за границу.

До послѣдняго времени иностранные полки, за исключеніемъ гарибальдійскаго, не участвовали въ штыковыхъ бояхъ. Но волонтеры проявили много энергіи и мужества въ тяжеломъ траншейномъ сидѣннѣ, въ развѣдкахъ и патрульной службѣ.

Такимъ образомъ полкъ шелъ въ атаку возвышенности «140», подготовленный долгимъ, шестимѣсячнымъ опытомъ. Не ослабѣвшій энтузіазмъ волонтеровъ сдѣлалъ эту классическую атаку *молніеносной*. Въ 40 минутъ возвышенность и три линіи траншей были взяты. Въ первыхъ рядахъ шли польская и чешская роты, почти уничтоженныя огнемъ пулемѣтовъ, орудій и взрывами фугасовъ. Командиръ бригады, командиры полка и трехъ батальоновъ убиты, много офицеровъ пало или ранено. Погибъ геройской смертью во главѣ своихъ соплеменниковъ полякъ-офицеръ, также палъ чешскій офицеръ лейтенантъ Досталь, служившій раньше въ австрійской артиллеріи. Греческая рота, по словамъ ея офицера, съ легкостью прошла первую и вторую линіи траншей, но фугасы, одновременно взорванные при помощи электрическаго тока, унесли изъ ея рядовъ 90 убитыхъ и 160 раненыхъ передъ третьимъ рядомъ окоповъ.

Много русскихъ волонтеровъ полегло въ этомъ бою. Тутъ же былъ раненъ Зиновій Пѣшковъ, пріемный сынъ М. Горькаго, произведенный передъ тѣмъ на фронтъ въ капралы. Пробѣжавъ со своей командой нѣсколько шаговъ, онъ очутился передъ проволочными загражденіями, которыя были быстро перерѣзаны и пройдены подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ. У самыхъ нѣмецкихъ траншей онъ замѣтилъ наста-

вленный въ упоръ пулеметь и, едва объяснивъ людямъ, что пулеметь во что бы то ни стало долженъ быть взять, упалъ на землю. Когда Пѣшковъ пришелъ въ себя, атака прошла далеко впередъ, и онъ, чувствуя полную неспособность двигать рукой, поползъ обратно въ траншею. Здѣсь мужественный солдатъ отказался быть перенесеннымъ до наступленія ночи на перевязочный пунктъ, изъ боязни подвергнуть опасности несущихъ. Руку, раздробленную нѣсколькими пулями, въ виду начавшейся гангрены пришлось отрѣзать.

Знаменитая отнынѣ атака возвышенности «140» пробила узкую брешь въ нѣмецкомъ фронтѣ. За полкомъ волонтеровъ, шедшихъ на приступъ болѣе стремительно, по словамъ французовъ, «чѣмъ даже зуавы», волной хлынули другія части. И надо надѣяться, что сквозь эту пробоину съ тѣмъ же пыломъ пройдутъ закалившіяся въ траншейныхъ бояхъ мощныя арміи республики.

И, когда, по окончаніи грандіознаго пожара, на конгресѣ мира приступятъ къ опредѣленію границъ національныхъ государствъ, когда передъ побѣдившими народами встанетъ вопросъ о внутреннемъ переустройствѣ на началахъ, болѣе близкихъ къ справедливости, пусть этотъ небольшой, но громаднаго моральнаго значенія эпизодъ великой битвы народовъ послужитъ одною изъ путеводныхъ звѣздъ демократіи. Пусть благодарное самопожертвованіе борцовъ, по вольному выбору пошедшихъ на смерть ради чужой свободы, дастъ мощную поддержку ихъ собственному дѣлу.

Атака возвышенности «140»—прекрасный порывъ разноязычныхъ, разноплеменныхъ, разноживущихъ людей, бьющихся и гибнущихъ за лучшее будущее человѣчества.

За годъ.

Нашъ небольшой, дружный эмигрантскій волонтерскій отрядъ въ обширномъ добровольческомъ лагерѣ Cercottes подъ Орлеаномъ служилъ своеобразнымъ центромъ притяженія. Строгая товарищеская дисциплина, высокій моральный уровень, интимность, разумное усердіе и круговая порука рѣзко выдѣляли его среди безформенной, разноплеменной, беспомощной массы волонтеровъ. И неудивительно, что Осбергу (нынѣ капитану, а тогда простому солдату) и мнѣ очень часто приходилось выслушивать въ качествѣ представителей отряда и его полуофициальныхъ начальниковъ просьбы добровольцевъ другихъ отрядовъ объ ихъ переводѣ къ намъ.

Помню, однажды битый часъ я втолковывалъ испанскому студенту, что это невозможно, потому что отрядъ нашъ составленъ, кромѣ всего прочаго, по принципу принадлежности къ русскому государству. Хотя это было не совсѣмъ вѣрно. Въ нашихъ рядахъ находились болгаринъ К. Тодоровъ и Дель-Перуджіо, котораго мы считали тогда за подлиннаго итальянца. Но оба они воспитывались въ Россіи: первый—сотрудникъ видной волжской газеты, и рядъ его родственниковъ служилъ въ русской арміи. Словомъ, мы ихъ признавали русскими.

Гораздо труднѣе обстояло дѣло съ просителями изъ

нашихъ соотечественниковъ, которыхъ вкраплено было довольно много въ волонтерскую массу Серкотскаго лагеря.

— Такъ вѣдь я тоже русскій, хотите покажу документы...

— Поймите, голубчикъ, что мы составили нашъ отрядъ только изъ людей другъ другу извѣстныхъ, одинаковыхъ убѣждений...

— А почему вы знаете, можетъ, у меня въ сердцѣ такія же убѣжденія...

— И потомъ по рекомендаціи двухъ членовъ и только въ случаѣ *единогласнаго* голосованія за пріемъ.

— Такъ голосуйте меня теперь.

— Но теперь мы—солдаты. Наша роль кончена. Назначить васъ начальство къ намъ,—будемъ рады.

— Да оно само безъ вашей просьбы не назначить. Къ вамъ весь лагерь хочетъ попасть.

Однако, несмотря на строго выдержанную изоляцію, мы знали, что въ ротѣ, куда будемъ назначены для сформированія батальона первой линіи, намъ придадутъ соотечественниковъ изъ числа запасныхъ русскихъ солдатъ. Запасныхъ потому, что первоочередной батальонъ комплектовали изъ волонтеровъ, бывшихъ солдатами въ своихъ отечествахъ. Исключеніе сдѣлали только для дисциплинированной русской эмигрантской группы, и то по ея настойчивой собственной просьбѣ.

Такъ и случилось. Наши новые соратники показали себя прекрасными, достойными людьми, храбрыми солдатами и очень хорошими товарищами. Ихъ сосредоточили по преимуществу въ моемъ взводѣ, какъ не говорящихъ по-французски, и я на собственномъ опытѣ убѣдился въ высокихъ качествахъ русскаго солдата послѣдняго времени. Нѣкоторые изъ нихъ были великіе патріоты русской арміи и напропалую критиковали французскіе военные уставы, увѣряя, что наши пріемы куда

проще и лучше. Это были главнымъ образомъ евреи, прїѣхавшіе по выходѣ въ запасъ во Францію работать съ помощью обосновавшихся здѣсь родственниковъ.

Еще въ Cercottes, въ начальный, «изолированный» періодъ нашего пребыванія въ легіонѣ, у насъ на линейкѣ постоянно маячили нѣкоторые изъ нихъ, слушая русскія пѣсни, русскіе разговоры, раздававшіеся въ этомъ углу лагеря. Они показывали волонтерамъ нашего отряда ружейные приемы, помогали дѣлать «пакетажъ», словомъ, оказывали всевозможныя услуги, стараясь быть полезными родной для нихъ средѣ.

Въ яркій воскресный день на линейкѣ пришлый фотографъ снималъ желающихъ. Невысокій, чернявый, крѣпко сбитый солдатъ, въ начищенныхъ, какъ зеркало, «бродекенахъ», съ горящими на «вестѣ» пуговицами, позировалъ передъ аппаратомъ, по-русски взявъ «на руку».

— Глядите, какимъ чортомъ стоитъ Ноховичъ,—указалъ мнѣ на снимающагося Мельниковъ.

И впрямь, Ноховичъ стоялъ молодцомъ: грудь навывкатъ, лицо грозное, словно вросъ въ землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ, будто подобрался для прыжка впередъ.

— Nochovitch, c'est pas ça,—замѣтилъ ему легіонеръ-капралъ по поводу положенія винтовки.

— Отъѣзжай, братъ,—по-русски отвѣтилъ солдатъ,—по-нашему, по-россійски, способнѣе. Я и въ атаку такимъ манеромъ пойду.

Ноховичъ оказался чудеснымъ солдатомъ. Онъ только что кончилъ срокъ службы въ Россіи и былъ полонъ военныхъ воспоминаній. Насъ интересовала психологія этихъ людей, не обязанныхъ (согласно Высочайшему разрѣшенію вплоть до 1-го марта 1915 года), будучи за границей, поступать въ войска и съ такимъ жаромъ стремившихся на передовую линію. На мой вопросъ, почему онъ поступилъ во французскую армію, Нохо-

вичъ, ставъ смирно и взявъ по-русски подъ козырекъ, отвѣтилъ:

— Сражаться за правду, господинъ унтеръ-офицеръ (меня уже произвели въ сержанты, но онъ упорно величалъ на русскій манеръ, такъ же, какъ позднѣе ни за что не обращался ко мнѣ по-французски «мой лейтенантъ», а всегда говорилъ «ваше благородіе»).

Другой его товарищъ на подобный вопросъ далъ нѣсколько неожиданный, но глубоко логичный отвѣтъ: «за еврейскій народъ»,—при чемъ самый внимательный глазъ не смогъ бы открыть въ бѣлокуромъ, безукоризненно говорящемъ по-русски солдатѣ еврея.

Попавъ въ нашу дружную семью, эти славные люди раздѣлили и ея участь. Вмѣстѣ перенесли краонельское траншейное сидѣнье, вмѣстѣ съ большею частью основного ядра отряда были отосланы на почвѣ неизбѣжныхъ въ аномальной обстановкѣ легіона трений въ депо, откуда послѣ торжественнаго признанія отосланныхъ солдатъ прекрасными служаками и людьми, распредѣлились по полкамъ линейной, настоящей французской арміи. Такъ исполнилась завѣтнѣйшая мечта русскихъ волонтеровъ—попасть во французскую гущу. Большинство ихъ передъ переводомъ произвели въ солдаты первого класса.

Перешелъ въ линейный полкъ и Ноховичъ. Недолго ему пришлось пробыть въ немъ. Коротенькое письмо С. Н. Слетова, служившаго съ нимъ въ одной ротѣ, извѣщаетъ объ его концѣ. Вотъ оно:

«Ночью перебрались на свою горку, а утромъ, часу въ 8-мъ, убитъ наповалъ пулей въ голову Яковъ Мендель Ноховичъ (родился въ Скерневицахъ 21-го февраля 1889 г.). Не мучился совсѣмъ. Позволили заняться похоронами... Какъ вы знаете, покойникъ ни къ какимъ партіямъ не принадлежалъ, отъ еврейства не отрекался, былъ хорошимъ солдатомъ и добрымъ товарищемъ.

Совершенно необразованный, способный отъ природы, пытливый и любознательный, производилъ впечатлѣніе большого ребенка. Раздраженный, не зналъ удержу. Всегда былъ радъ помочь болѣе слабому. Русскую армию любилъ. Свой уставъ зналъ на зубокъ и съ толкомъ. Вообще — типъ солдата по-японскаго періода. Вѣдь, поступая на службу въ Россіи, онъ не зналъ ни слова по-русски, а какъ выучить, — и съ толкомъ, — уставъ. Вѣдь, могъ рассказать боевое построеніе полковой колонны побатальонно, поротно, повзводно; вплоть до отдѣленія. Любому Дофѣну (адъютантъ одного изъ полковъ) могъ бы уроки тактики давать; здѣсь онъ научился свободно говорить по-французски. На немъ я воочию увидѣлъ, что такое русскій солдатъ по-японской складки, — на немъ и на Абрамѣ Мельниковѣ. Дѣйствительно, выучка была толковая... Хотѣлось очень хотъ разъ побывать въ атакѣ, да вотъ не привелось»...

Хоронили Ноховича на разсвѣтѣ. Тѣло его снесли на «Баррикаду» пятеро пріявшихъ въ свою среду этого большого ребенка. Ихъ только шестеро было во всемъ французскомъ полку... «Рыли могилу за лѣсомъ, надъ ручьемъ, въ ряду ежедневно вырастающихъ могилокъ. Подходили французы, — кухаря, саперы и прочая тыловая публика, — спрашивали: кто, гдѣ, когда, брали кирку, скребли и копали... Проходилъ сержантъ, — взялся сдѣлать надпись на доскѣ и сдѣлалъ. Я прожегъ ее проволокой. Обложили холмикъ дерномъ съ буйной травой. Поставили камень, — его самъ же Ноховичъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ выволокъ изъ земли, копая братскую могилу для 12-ти погибшихъ отъ мины... Въ сторонкѣ кипятили чай и поминали покойника... Хорошій былъ парень, — почвенный, не было въ немъ кри-вости»...

Погибъ и нашъ «итальянецъ» Дель-Перуджіо. Худо-

щавый, гибкій, стройный, всегда веселый, очень молодой, онъ общалъ выровняться въ хорошаго бойца. Въ Россіи онъ, какъ полагается, отсидѣлъ въ свое время за рѣшеткой. Потомъ перебрался за границу. Былъ въ мореходныхъ классахъ. Потерпѣлъ крушеніе у мыса Горна. Сталъ художникомъ. Почему-то наши французскіе офицеры сразу обратили на него свое вниманіе и выдѣлили изъ среды остальныхъ волонтеровъ. Меня это удивило, и я спросилъ ротнаго командира о причинѣ.

— Еще бы не знать его, — отвѣтилъ Тортель, — да вѣдь онъ женатъ на мадемуазель Стенель.

— Какой Стенель?

— Какъ какой! Той самой, мать которой судилась по подозрѣнію въ убійствѣ мужа. Пѣмните, міровой процессъ...

Весь французъ сказался въ этомъ. Женитьба на дочери хотя бы и оправданной женщины, отъ которой яко-бы отказался женихъ, имъ казалась необычайно геройскимъ поступкомъ.

Время шло. Дель-Перуджіо сталъ худѣть, кашлять. Упорно не шелъ въ околотокъ, не желая отставать отъ товарищей. Спалъ, какъ и всѣ, въ холодѣ и сырости: дѣлался все тоньше, угрюмѣе, молчаливѣе.

Въ день отхода на фронтъ мнѣ пришлось повозиться съ рядомъ волонтеровъ. Сперва прибѣжалъ плачущій Шлейферъ Мендель. Врачъ забраковалъ его для похода и предложилъ къ «реформѣ». Пошелъ съ нимъ къ доктору, упросилъ оставить въ строю. Потомъ та же исторія съ хромающимъ Подольскимъ. За нимъ пришелъ самъ не свой Ростовцевъ.

— Господинъ лейтенантъ, я не знаю, что съ собою сдѣлаю; хотятъ оставить отъ товарищей. Изъ-за внутреннихъ...

Уладилъ съ Ростовцевымъ, — подходитъ Дель-Перуджіо.

— Докторъ пугаетъ меня, что я не перенесу пути. Попросите, чтобы мнѣ разрѣшили итти.

Я наотрѣзъ отказался.

— Вѣдь у васъ туберкулезъ, Дель-Перуджіо!

— Развѣ-жъ это мнѣ помѣшаетъ умереть, какъ остальнымъ?

Въ концѣ-концовъ онъ упросилъ доктора. Къ концу второго перехода изнемогъ, но не согласился на эвакуацію. Доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до конечнаго пункта и у самыхъ траншей свалился въ остромъ плевроитѣ. Потомъ—«реформа». Парижъ. Обостреніе туберкулеза. Умеръ бѣдный подъ теплымъ небомъ юга, въ цвѣтущихъ Каннахъ.

И до послѣдней минуты думалъ о товарищахъ...

Не стало Крикуна... Какъ недавно и какъ давно все это было... Нашъ отрядъ въ штатскихъ одеждахъ, прежде чѣмъ записаться въ волонтеры, готовился къ военной службѣ. Мэрія 16-го округа отвела намъ помѣщеніе кинематографа на rue Tolbiac, неподалеку отъ place d'Italie, и мы, т.-е. Осбергъ и я, съ помощью запаснаго француза, м-г Ги, обучали отрядъ воинскому артикулу. За унтеръ-офицеровъ у насъ шли Иголкинъ, пожилой, энергичный человѣкъ, изъ запасныхъ саперныхъ унтеровъ, потомъ поступившій въ военные автомобилисты, и Крикунъ. Глядя на его сильную, ловкую фигуру, отчетливо «рубившую» повороты, врядъ ли могло бы притти въ голову, что этотъ молодой, двадцатишестилѣтній здоровякъ такъ много перенесъ уже раньше за преданность своимъ политическимъ убѣжденіямъ.

23-го августа мы были приняты во французскую армию. Послѣ обѣда я получилъ въ «Инвалидахъ» препроводительный листъ на всю команду и предписаніе отвести ее въ Орлеанъ. Мы стали солдатами... Вечеромъ на rue Tolbiac было послѣднее собраніе, волонтеры получали послѣднія инструкціи. Помѣщеніе биткомъ на-

бито добровольцами, ихъ родственниками, знакомыми. Настроение торжественное... Наступили сумерки; въ кинемо стало темно: газъ и электричество не дѣйствовали. Купили въ сосѣдней лавочкѣ свѣчей, взяли ихъ въ руки, зажгли...

— Смирно!..

Неподвижнымъ строемъ замерли новые солдаты. Пламя свѣчей колебалось, отбрасывая какой-то особенный отблескъ на ихъ особенныя въ этотъ моментъ лица. Высокій потолокъ ушелъ куда-то еще въ высъ, потонулъ во мракѣ, отступили невидимыя стѣны, въ храмъ превратилась скромная зала, и только замершій строй горѣлъ яркимъ рядомъ свѣчей...

Все рѣшено, и передъ роспускомъ мы предложили сказать нѣсколько словъ находившемуся въ толпѣ Плеханову. Онъ произнесъ красивую и горячую напутственную рѣчь,—рѣчь о необходимости побѣды Россіи и союзниковъ. И въ моментъ, когда прекратились рукоплесканія и всѣ начали расходиться, сказалъ стоявшему около него Крикуну:

— А вамъ желаю возвратиться съ нашивками.

Почему-то этотъ маленькій эпизодъ съ нашивками врѣзался мнѣ въ память.

На видъ сильный и здоровый, Крикунъ въ траншеяхъ сталъ гаснуть. Видимо, предыдущая жизнь не осталась безъ слѣда. Но упорно не шелъ въ околотокъ. Убили его все на тѣхъ же краонельскихъ позиціяхъ, на скло-нѣ, обращенномъ къ доли-нѣ Ульша. Умеръ безъ мученій.

— Отдайте его намъ, онъ нашъ,—сказали евреи-добровольцы и похоронили все въ той же доли-нѣ Ульша. И на надгробной дощечкѣ написали: Ааронъ Рогъ, потому что такова была его настоящая фамилія.

Много русскихъ волонтеровъ уже сложило свои головы на далекомъ «западномъ фронтѣ». Тамъ бомбой

разомъ унесло семь человѣкъ, тамъ въ ночной развѣдкѣ шальная пуля убила синеглазаго, молодого фантаста Гинеса, оборвалась жизнь Крестовскаго съ товарищами по траншеѣ, нѣтъ самоотверженнаго Попова-Брикмана и прекраснаго Богушко, убитъ маленькій, довѣрчивый Фельгарнъ и блестящій офицеръ Мгебровъ, такъ отличившійся въ болгарской войнѣ. Мелькнуло въ частномъ письмѣ извѣстіе о смерти неизвѣстнаго Яши Гуровича, задавило обваломъ отъ взрыва мины русскаго еврея, и братъ въ теченіе трехъ дней подъ пулями откапывалъ его трупъ. Погибли сотни русскихъ, польскихъ, еврейскихъ волонтеровъ при знаменитой атакѣ Сареңу и «côte 140», самомъ славномъ эпизодѣ всей войны на «западномъ фронтѣ».

Четыре тысячи русскихъ поступили только до 1-го декабря 1914 г. въ ряды армій Французской республики по своей свободной волѣ, и не ихъ вина по большей части, что за общее дѣло имъ пришлось сражаться на чужбинѣ. Но здѣсь они съ честью выполняютъ трудную задачу представительства своей родины. Конечно, не лишены они, какъ и вышеописанные три волонтера, недостатковъ, и порою очень крупныхъ. Но не въ этихъ недостаткахъ, равно какъ и не въ излишней идеализаціи, дѣло. Важно и знаменательно, что въ надлежащую минуту въ нихъ громче всего прозвучала нота героизма и самопожертвованія, преемственная нота русской демократіи, роднящая ихъ могилы съ могилами русскихъ подвижниковъ Кавказа, Карпатъ и другихъ театровъ войны, такъ трогательно описанными Крюковымъ и др....

Есть много сходнаго и много типичнаго для русскаго волонтерства въ судьбѣ этихъ трехъ такихъ различныхъ людей. Въ разныхъ концахъ Франціи разбросаны ихъ дорогія могилы. Въ Шампани, въ долинѣ Ульша, тамъ же, гдѣ почилъ скульпторъ Вертеповъ, художникъ Крестовскій, докторъ Поповъ и красавецъ Богуш-

ко, успокоился марксистъ Ааронъ Рогъ, въ суровой Ар-
гоннѣ схоронили пришедшаго «сражаться за правду»
простого русскаго солдата Ноховича и въ залитыхъ
солнцемъ Каннахъ спитъ народникъ, «русскій италья-
нецъ», Дель-Перуджіо... Растутъ, множатся съ каждымъ
днемъ дорогія могилы... Великое горе и великое сча-
стье выпало на долю тѣхъ, кому судьбой дано было
итти вмѣстѣ съ самоотверженными, хорошими людьми
въ ихъ добровольной, роковой борьбѣ за справед-
ливость...